

*Е.З.Майминас,
доктор экономических наук.
Институт народнохозяйственного
прогнозирования РАН*

Институциональные корни и особенности институциональных кризисов в России

Институциональные изменения — весьма длительные социальные процессы. Год для них является слишком кратким временным горизонтом. Они обычно не укладываются и в десятилетие. Правда, в институциональных процессах есть свои временные слои. Кризис наступает, когда в противоречие вступают разнонаправленные и разновременные стороны этих процессов. В серьезных масштабных случаях кризис вызывает институциональный переход, обновляется или порождается новая система институтов.

Главные направления, определяющие нынешний институциональный кризис в России, имеют многовековые корни. Их, по меньшей мере, три: власть, собственность, общинные установки¹. И они тесно взаимосвязаны. Для наших целей важно выделить следующие аспекты этих институциональных феноменов.

При анализе *власти* важным является характер государственных институтов в России. Эти институты всегда, начиная с Московского государства и вплоть до нынешнего времени, были преимущественно централистскими, призванными обеспечить мобилизационный тип развития. Кризис централизма (в годы Смуты, в 1917 г., в конце 80-х — начале 90-х годов) приводил к хаосу, а не к нормальной децентрализации. Страна теряла "скрепы" и разваливалась. Поэтому она очень быстро (в историческом времени) возвращалась к "новому" централизму. Наиболее спешно и выпукло это было представлено советской властью. Нынешнее постсоветское пространство находится в переходном состоянии, на развилке пути между непривычной нормальной децентрализацией и возвратом к привычному централизму. Причем многое свидетельствует о преобладании прежней траектории.

При анализе *собственности* важны источники ее приобретения и способ владения ею. Как правило, ведущим было получение собственности от власти, наделение собственностью. Превалировала в пожалованиях не вотчина, а поместье "за службу", даже после Петра III и Екатерины II, когда помещики были освобождены от обязательной государевой службы. Накопление денег также происходило во многом от "кормления", т.е. из того же государственного источника. Были выгодные и невыгодные места, например, "невыгодный" Посольский приказ по сравнению с Разрядным. Это учитывалось властью при назначении жалованья². Точно так же было и в советские годы (сравните МИД и Минторг), да и теперь. Следовательно, веками в России, как и в традиционных восточных обществах, в паре "власть—собственность" исходным и ведущим звеном была власть; обратное соотношение утвердилось на Западе.

В *общинных установках* для нас особенно важна оценка "справедливости" распределения власти, собственности и благ. Она открыто оторвана от законности, от права и прочих юридических тонкостей. Более того, она обычно противостоит всему, что устанавливает власть. Только иногда "народная" и властная оценки могут совпасть или сблизиться. Власть должна быть твердой, жесткой, даже жестокой, но

¹ См.: Майминас Е.З. Российский социально-экономический генотип // Вопросы экономики. 1996. № 9; Он же. О социально-экономических особенностях развития России // Общественные науки и современность. 1998. № 3.

² См.: Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М. Наука, 1987; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978.

"справедливой", т.е. миловать и карать за "дело". Собственность как таковая — проблема для народа третьестепенная. Гораздо важнее, как власть распределяет блага. Вот здесь во всю раскрывается народное понимание "справедливости" — это не распределение по труду, по наследству, по родовитости, а в основе своей — по едокам, по нуждаемости, т.е. уравнилельно¹. И с этим властям приходится считаться. Ясно, что любое длительное отклонение от этих норм, тем более системное, в котором сплетается девиантное действие многих системообразующих институциональных факторов, вызывает кризис. Пожалуй, одним из последних до нынешнего был кризис конца 20—30-х годов, когда вместе с индустриализацией шла коллективизация и "ликвидация кулачества как класса". Это, в частности, вызвало масштабную и взрывную урбанизацию. Из деревни в чуждую городскую среду были выброшены десятки миллионов крестьян, а наиболее активные из них оказались в ГУЛАГе. Причем они были оторваны от вековых корней и погружены в беспредел беззакония и произвола. Последствия этого процесса проявляются и поныне. Они влияют на современный кризис по всем трем отмеченным выше направлениям. Однако фокусом этого кризиса является необходимость перехода к постиндустриальному информационному обществу, который немислим без смены типа власти, собственности, установок и мотиваций в стране. Пожалуй, он глубже и масштабнее предшествующих кризисов в России, поскольку связан с категорическим императивом перехода от мобилизационного типа развития к инновационному², без чего нашей стране теперь попросту не выжить. Именно в такое время мы и живем.

Как это скажется на *институциональном будущем* России? Здесь предстоит рассмотреть сочетание веками накопившихся традиций с новыми, еще неукоренившимися тенденциями. К последним я отношу возросшую включенность российского общества в мировой процесс, оказывающую особенно сильное влияние на молодое поколение и на средний и верхний классы "Молодые реформаторы" переоценили масштаб и скорость этого влияния. Возможно, они были бы Правы, если бы институциональный переход шел гладко и в благоприятных экономических условиях, тогда и импорт зарубежных институциональных моделей происходил бы менее болезненно. Однако жизнь оказалась совершенно иной. Переход осуществляется в крайне тяжелых условиях, а финансово-экономический кризис 1998 г. сильнее всего ударил как раз по молодежи и по еще немногочисленному среднему классу, т.е. по социальной базе либеральных реформ.

¹ Интересные соображения по этим вопросам содержит глубокая монография Теодора Шанина: *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905—1907 —> 1917—1922. М.: Весь мир, 1997.

² *Фонотов А.Г.* Россия: От мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993.

Мало того. Именно эти слои оказались организационно неподготовленными. У них нет сплоченных, дисциплинированных партий со своим дееспособным активом, нет при них молодежных организаций. Это вообще характерно для либералов и их установок (правда, кадеты в начале века располагали массовой партией и крупными провинциальными организациями). Гораздо лучше организованы с того же времени левые и радикально-патриотические силы, что отвечает и их программным установкам. Все это также усугубляет институциональный кризис в современной России.

Однако главный вопрос — *кто и что определяет будущее России?*

Все же это те силы, на которые мы указали выше, молодежь и средние слои, предприниматели. К ним добавим и в целом пока благоприятные внешние условия. Разумеется, Россия продолжит движение вперед не с позиции супердержавы, как мнилось многим в начале 90-х годов, а с позиций развивающейся страны с ракетно-ядерным потенциалом.

Этот психологически тяжелый для нас отправной пункт (тоже один из источников кризиса), безусловно, затруднит движение, к нему придется довольно долго приспосабливаться. Но приспособились же европейские державы, разбитая и поверженная Германия, высокомерная, потерявшая империю Британия. Они теперь ищут (и находят) выход в единой Европе. Нечто подобное может быть и у нас — то ли в прямом присоединении к этой Европе, то ли в долгом и терпеливом построении нового СНГ. Но для этого придется действительно отказаться от мечты об Империи, что чрезвычайно трудно.

До сих пор мы говорили в основном о внутренних факторах и обстоятельствах институциональных процессов и кризисов в России. В действительности в современном мире с растущей силой проявляется глобализация этих процессов. Она развивается прежде всего в трех направлениях: экономика (особенно финансы); экология; военные конфликты. По каждому из них уже проявились кризисы: например, по первому — нефтяной начала 70-х годов, азиатские, российский, бразильский финансовые 1997—1998 гг.; по второму — чернобыльский; по третьему — Афганистан, Чечня, Балканы, Ирак и т.д.

На этом фоне выявляется тенденция к международному сотрудничеству для предотвращения этих конфликтов и негативных последствий соответствующих процессов. Все большую роль играют международные и межгосударственные организации — ООН и его Совет Безопасности, ОБСЕ, МВФ, МАГАТЭ, НАТО, ЕС и др. Можно полагать, что развитие этой тенденции со временем в интересах самосохранения человечества институционально приведет к некоторым элементам мирового правительства. Важно, чтобы Россия своевременно вступила на этот путь, чтобы не оказаться на обочине мирового процесса.